

ЖИВЫЕ КОРНИ

РИЖСКОМУ ТЕАТРУ РУССКОЙ ДРАМЫ—100 ЛЕТ

Рижский театр русской драмы вступает во второе столетие. Свой вековой юбилей театр отмечает большим праздничным представлением. Но юбилей — не только цветы и хвалебные речи, восторженные статьи в газетах и подарки друзей. Это и рубеж, призывающий остановиться, оглянуться, вспомнить корни, питающие новые победы, определить будущее.

Вот на эту тему и ведет беседу с главным режиссером театра, народным артистом Латвийской ССР Аркадием Фридриховичем КАЦЕМ наш корреспондент Ольга МАКАРОВА.

— Итак, корни. Они у вашего театра могучие. Это общеизвестно. Кого из основоположников вам хотелось бы видеть за столом юбилейного президиума?

— Биография нашего театра сложна и необычна. 2 октября 1883 года пьесой И. Шпагинского «Майорша» группа Е. Лаврова начала первый сезон как постоянный, профессиональный русский театр в Риге. Десятилетие стали годами его становления. Так родился театр, сыгравший большую роль в общественной жизни Латвии, в сближении двух национальных культур — русской и латышской.

Приход умного и дальновидного театрального деятеля К. Незлобина, приглашение таких прекрасных и разных художников, как Н. Михайловский, К. Марджанов, и позднее молодого А. Таирова приводят к созданию театра нового типа, сочетающего реалистическую суть, философскую глубину и яркую театральность.

В те годы здесь ставят Толстого, Ибсена, Чехова. Естественно, что такая драматургия потребовала не только новых режиссерских решений, но и новых актерских индивидуальностей. Здесь играют М. Андреева, М. Роксанова, П. Орленев, А. Харламов, И. Певцов... Каждый из них — яркая страница в истории русской сцены.

Огромную роль в становлении театра сыграл А. М. Горький. При его непосредственном участии были возобновлены ранее поставленные «Мещане» и «На дне». А в 1904 году вместе с Марджановым он работает над знаменитым спектаклем «Дачники», имевшим огромный и заслуженный успех.

Новый и самый драматичный период жизни коллектива начался в 1921 году. Это был единственный в мире стационарный профессиональный русский театр за ру-

бежом. Со всех концов земного шара сюда стекались русские актеры, волею судеб оказавшиеся в эмиграции. Рига дала им приют, сцену, зрителя. Рощина-Инсарова, Жихарева, Полевицкая, Мельников, Бунчук, Терехов. Барabanов, Юровский, Михаил Чехов...

В сложнейших условиях буржуазной Латвии русские актеры нашли в себе мужество стать пропагандистами советской драматургии. На рижской русской сцене шли в то время Тренев, Леонов, Булгаков, Катаев, Афиногенов, Арбузов...

21 сентября 1940 года спектаклем «Слава» В. Гусева открылся первый сезон Театра русской драмы в Советской Риге. Но война прервала жизнь коллектива.

Закончились бон. В театр влилось новое пополнение. Иные еще не успели сменить шинели и гимнастерки на пиджаки и платья. Пришли прямо с фронта Б. Дзержук, Г. Тимофеев, М. Пярн. Пришли из разных городов уже опытные артисты А. Пельше, В. Вавлевская, В. Глухов, Б. Тихов. А через несколько лет на сцену выходит молодая поросль — выпускники театральных вузов страны: М. Подгурская, А. Исаева, Е. Крылова, Л. Голубева, П. Хомский, А. Аугшкап, Д. Бокалов... Пришел талантливый артист Сергей Васильев. Необходимо также назвать Веру Михайловну Балюна, которая в течение нескольких лет была главным режиссером театра и много сделала для него.

Сегодня в Латвии нет непреодолимой стены между латышским и русским зрителем. Мы недавно проводили анкетирование. Цифры поразительные. На спектаклях у нас 35—40 процентов латышских зрителей. В то же время на спектаклях латышских театров всегда присутствует большое количество русской публики. Рига — один из самых многонацио-

нальных и в тоже время один из самых театральных городов страны. Причины такого явления, конечно, много. Одна из главных — давнишняя театральная культура города. Но все же нам хочется верить, что в этом чуть-чуть «повинны» и сами театры.

— Как бы вы определили свои принципы формирования репертуара?

— Репертуар, как известно, основа театра. Будучи русским театром в национальной республике, мы, конечно же, должны думать о пропаганде русской классики. В нашей афише всегда присутствуют пьесы Толстого, Островского, Чехова, Гоголя, Горького. Это принципиально.

Но, конечно, нашей главной заботой остается поиск современной советской пьесы, отвечающей требованиям сегодняшней жизни. В афише нашего театра Погодин, Арбузов, Розов, Рошин, Радзинский, Вампилов, Друцэ, Васильев и новые имена — Галин, Арро, Макаров...

В этом сочетании классики и современности — главный репертуарный поиск театра. В это главное направление органично входит пропаганда латышской драматургии — классики и современных авторов.

Ни один вид искусства не имеет таких живых и тонких связей с современностью, как театр. Театр «сейсмичен» и реагирует на все «подземные толчки» времени. И в то же время он призван постоянно думать о Грядущем, о Вечном. В этом его назначение, его миссия.

— С каких позиций вы оцениваете пьесы?

— С позиций партийности, с позиций социалистического реализма. Но признаком партийности, на наш взгляд, является не внешняя атрибутика, не анкетные данные действующих лиц. Главное, чтобы герой был человеком принципиальным, честным, исповедовал гражданскую, гуманную философию, был беззаветно предан нашим идеалам, нашим убеждениям. Только такой герой способен заинтересовать и увлечь зрителя, возбудить у него раздумья и желание следовать его жизненному примеру.

К таким героям я отношу старшину Васкова и девушек-зенитчиц из пьесы по повести Б. Васильева «А зо-

ри здесь тихие...», героя пьесы И. Друцэ «Святая святых», несущей прекрасную мысль о верности Родине, мечтам юности, дружбе, любви, воинскому братству, дому, где родился, земле, на которой вырос.

До сих пор вызывает споры пьеса Виктора Мережко «Пролетарская мельница счастья». Да, она написана особым языком, не похожим на другие. Она рассказывает о людях двадцатых годов, светлых людях, пытающихся понять сложнейшие противоречия той, очень не простой эпохи. И не только понять, но и воздействовать на нее, принести людям счастье, ради которого они совершали свое великое пролетарское дело.

Вспомните Гая из погдинской пьесы, которую мы очень любим и бережем в своем репертуаре. Разве Гай «чистенький», сотканный из одних добродетелей? Нет. Подлинный герой всегда неоднозначен. Люди без сучка и задоринки — неинтересные, скучные люди.

— Как вы смотрите на будущее вашего театра?

— Есть такая легенда, что срок жизни театра ограничен. Мне кажется, что причину старения надо искать не в возрасте. Театр гибнет тогда, когда из него уходит дух единства. Дух общности. Когда театр теряет единодушие — исход может быть только летальным. Вот почему мы пуше всего стараемся сберечь драгоценное единство, стремимся максимально дисциплинировать театр, добиться от актеров чувства взаимной заинтересованности и ответственности. Особо это важно в работе с молодежью.

Я ценю только такой театр, в котором актеры, все без исключения, более даровитые или менее даровитые, от народного артиста до вспомогательного состава, отдадут все, что имеют. Главное — не терпеть равнодушия!

— Что бы вы пожелали вашей «столетней» молодежи?

— Чтобы они были чуточку выше, чем мы, и делали театр лучше, чем делали его мы. И чтобы до конца дней своих были так же преданно и искренне привязаны к театру, как те, кто закладывал его основу, и те, кто работал до них.

И еще: чтобы помнили, что в годы начавшегося второго столетия представлять театр будут они.

РИГА.

Сов. культура, 1983, 15 ноя, N 136